

AGNIESZKA GOŁĘBIEWSKA-SUCHORSKA

О ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ В РАССКАЗЕ БОРИСА ЗАЙЦЕВА *УЛИЦА СВ. НИКОЛАЯ*

Религиозное творческое наследие писателя-эмигранта, одного из немногих продолжателей русской классической литературы XIX века - Бориса Константиновича Зайцева (1881-1972) русская современная критика оценивает высоко. Например, Е.Воропаева считает его (наряду с Иваном Шмелевым) основоположником новой религиозной прозы в эмиграции.¹ Исследовательница ссылается также на оценку творчества писателя Г.Адамовичем, который, отмечая роль его произведений в формировании эмиграционной литературы, писал: "Если мы вправе толковать о духовном творчестве в эмиграции, то лишь благодаря таким писателям, как он (т.е. Б.Зайцев - А.Г.-С.)"².

Однако, вследствие того, что религиозная тематика была долгие годы забыта из-за государственных запретов в СССР, творчество Зайцева не нашло еще должного освещения как в русской, так и в польской критике и литературоведении. И если все чаще русские исследователи обращают внимание на ценность религиозной линии в его творчестве³, то в польской критике и литературоведении материалы о христианской теме в творчестве Зайцева вообще отсутствуют. Польские ученые уделяют внимание лишь раннему периоду творчества писателя, сосредотачиваясь прежде всего на проблеме зайцевского импрессионизма⁴. Поэтому в настоящей статье и предпринимается попытка восполнить существующие пробелы и проанализировать элементы традиционной христианской символики в раннем рассказе *Улица св.Николая* (1921). Подчеркнем, что с этой точки зрения рассказ вообще не анализировался, хотя, например, Е.Воропаева признает его важную роль в развитии религиозной линии, которая "(...) в полном объеме раскрылась только в зарубежном творчестве Зайцева"⁵.

Улица св.Николая - "своеобразная поэма в прозе"⁶, представляющая собой рефлексию над уходящим миром, над тем, что "клонится к закату, внутренне склоняется, сгнивая старое"⁷.

Рассказ чрезвычайно интересен прежде всего в символическом отношении. Как заметил А.Любомудров таким центральным "символом неуничтожимых духовных

ценностей России” предстает в рассказе старичок возница, “спокойно едущий на своей лошаденьке по Арбату и крестящийся на три церкви Николая Чудотворца - при всех властях, режимах, переворотах”⁸. Образ извозчика показан в движении, свойственном его профессии: “невозбранно проплывает седенький извозчик (...) как корабль” (с. 159). Сравнение с кораблем вводит в круг христианских символических значений. Наличие корабля встречается среди ветхозаветных образов - например, корабль, бросаемый бурей - это несомненный атрибут пророка Ионы, из-за грехов которого Господь сослал бурю на море, или Ноев ковчег, спасший людей и животных от всемирного потопа. В Новом завете Христос проповедовал с лодки и успокоил бурю на море. Христианская символика считает корабль воплощением одной из теологических добродетелей - надежды, той, которая в тяжелое время позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. В таком смысловом контексте, извозчик отождествляется с символом надежды, не покидающей граждан Арбата в самое тяжелое время и помогающей им выжить.

Христианская традиция связывает корабль также с апостолом Петром и, что особенно важно для нашего анализа, со святителем Николаем Мирликийским, которого три храма возводятся над Арбатом. Б. Успенский замечает, что именно св. Николай “занимает совершенно исключительное место в русском религиозном сознании”⁹. Этот святой в христианской традиции вообще отождествляется с морем и с тем, что с морем связано. Св. Николаю Чудотворцу свойствен тоже якорь - воплощение доверия и постоянства в вере во время преследований¹⁰. Согласно легендам, святой творил многочисленные чудеса избавления мореплавателей и утопающих, поэтому он считается покровителем моряков¹¹. Беспокойному, взволнованному морю христианская традиция придает значение земного мира. Если учитывать приведенное христианское толкование морской символики, то зайцевское сравнение извозчика с кораблем надо считать не просто стилистическим тропом, а значащим элементом, воплощающим идеи и значения, образованные многовековой христианской традицией. Автор создал картину Арбата-земного мира, по которому, как по беспокойному морю, плывет извозчик-корабль и везет с собой надежду на лучшее будущее. Плывет спокойно и уверенно, осознавая, что о нем заботится покровитель его - св. Николай и доверяет опеке и сверхчеловеческой силе Угодника.

Предания рассказывают, что Мирликийский святой чтится народом также из-за чудесных освобождений заключенных и пленных. В рассказе упоминается икона св. Чудотворца, освобождающего пленного в темнице. Интересен здесь факт наличия существительного *темница*, обозначающего место заключения, лишённое света. Стоит подчеркнуть очень высокую частотность упоминания в рассказе явлений природы, связанных с недостатком или отсутствием света. В описании художественного мира произведения легко заметно нагромождение слов типа: *метель, мгла, впотьмах, туманно, тьма, темный, мрак, туман, омрачить, закат*. Все они сходны друг

с другом именно из-за своей большей или меньшей связи с темнотой. Описание мира с помощью таких слов уподобляет его большой темнице - миру свойствен недостаток света, которого доступ до земли ограничивают туман, метель. *Светлым миром* Зайцев называет богослужение - мир не земной, а небесный. Такое противопоставление земной темноты небесному свету вводит опять в круг христианских символических значений. В библейском толковании свет и мрак изображают два вида человеческого предназначения: счастье и несчастье. Все, что является светом, происходит от Бога, в котором нет никакой темноты. Поэтому все, что чуждо свету, принадлежит царству мрака - смерти и дьяволу. Жизнь христианина направлена на вечный Свет, как корабль стремится к пристанищу¹².

Упоминание о связи мрака и дьявола неслучайно, так как автор уподобляет жизнь на земле *дьявольско-бесовскому танцу*. Все члены этого определения помещаются в кругу традиционных христианских значений. Танец уже для древних израильтян был формой выражения радости и благодарности: женщины плясали после перехода через Красное море и когда Давид убил Голиафа; народ танцевал вокруг золотого тельца. Зато в зайцевском рассказе танец свойствен сатане. Это не выражение радости жителей Арбата, а танец беса, радующегося злу, царствующему на земле. Интересно, что автор ввел в свой рассказ также образ Дракона, как воплощения темных сил, сопутствующего неотъемлемо образу беса, демона. Библейские драконы - это животные земные или морские, всегда опасные, мерзкие и отвратительные. Зверь Апокалипсиса, побежденный архангелом Михаилом и ангелами - это дракон с семью головами, представляющими грехи. Дракон изображает зло, ересь, ячичество, дьявола. Русские и византийские иконы и миниатюры XIII-XV вв. представляют побежденного дракона, лежащего под ногами святых. Победу над драконом приписывает традиция прежде всего св.Георгию¹³.

В яростном мире зайцевского рассказа Дракон отождествляется с войной и сопровождается мраком: "Волна мрака накопилась, облака и тучи, гремит бессмысленный Дракон, и пожирает и других зовет (...). Яростны люди, свирепы пушки, пули бессчетны и бессчетна смерть" (с.163).

Дьявольская тематика не оканчивается в рассказе вышеуказанными соображениями. Продолжением ее необходимо считать название Зайцевым бегущих Арбатом людей *вереницами, как мизерабли долин адских* и наименование Арбата *улицей-долиной*. Прилагательное *адские*, как и существительное *долина* важны для понимания символики рассказа. Ад - царство дьявола и смерти, приводит на мысль образ мира, лишённого света, в котором происходит дьявольско-бесовский танец. Картину эту углубляет еще изображение улицы, как долины - символа снисхождения, лишения возвышенности, благородства, духовной величины. Печальной картине земного мира, похожего на темные, адские долины, противостоит в рассказе "Никола Милостивый (..), распростерший над улицей три креста своих, три алтаря своих" (с.170).

Существенно именно определение местонахождения святого - *над* Арбатом, которое приводит как бы к разложению мира на две сферы - земную и небесную, на низ и верх, резко отличающиеся друг от друга. Если исходить из вышеуказанного, то станет очевидным построение художественного мира произведения на базисе антитезисов: во-первых - корабль, плывущий по земле, нуждающийся в помощи и его покровитель, единственная надежда помощи; во-вторых - лишенная света земля и источник Света вечного, Небеса, а также, связанное с этим противопоставление дьявол - Бог; и в-третьих - антонимическая пара, долина - возвышение. Низу - земному миру, свойственны крик, рыдание, горечь, плач, отчаяние, низость, братоубийство. Верху - возвышенному над Арбатом миру, присущи любовь, покой, свет, милость - то, в чем нуждается земной мир.

Глубокая противоположность этих двух сфер создает впечатление, что человеческий вопль с улицы-долины не дойдет до покровителя страдающих в небесах. У Зайцева же, раздвоенный мир соединяет звон колоколов трех церквей св. Николая. Колоколам христианская символика приписывает мистическое значение, присущее предметам подвешенным между небом и землей. Их символическое значение заключается в том, что они являются *голосом Бога*. Мелодический, далеко раздающийся, торжественный звон, зовет народ в церковь¹⁴, к молитве, а его форма, напоминающая небесный свод, заставляет оторвать глаза от ужаса земли и смотреть в чистую лазурь неба¹⁵. Для России и Китая характерен взгляд, что колокол дает возможность непосредственного разговора с Богом, отсюда стремление создать самый звучный, самый большой колокол - например, кремлевский царь-колокол¹⁶. Таким образом, колокол исполняет роль посредника между небом и землей. Своим звоном он объявляет славу Господа, посылает на землю Божий голос, а с другой стороны, призывает людей к миру небесному, взывает о помощи от Бога во время стихийных бедствий. В рассказе *Улица св.Николая* "гудят спокойные и важные колокола Троицких Никол", а "на зов их собирается различный люд. И старый, молодой, и бедный, и богатый. (...) все они идут сюда, быть может, и палач и жертва, и придут доколе живо сердце человеческое" (с.168). Писатель призывает: "Слушай звон колоколов Арбата" (с.169) - они объявляют утешение для страдающих и прощение для преступников.

Кроме "явной" традиционной христианской символики в рассказе Зайцева присутствует и "скрытая" религиозная символика.

Как справедливо заметил Б.Успенский, "в русском религиозном сознании вера в Бога, как бы предполагает в качестве неперемennого условия веру в Николу; соответственно непочитание Николы закономерно рассматривается как ересь"¹⁷. Этот факт объясняет причину существования на одной московской улице трех храмов того же святого: Николы Плотника, Николы на Песках и Николы Чудотворца. Наличие именно трех обликов одного святителя намекает на число *три*, как христианский

символ. В своем обширном анализе мира христианской симболики, Д.Форстнер замечает: “Если какое-либо число может предъявлять право на святость и символическое значение, то несомненно является им тройка” (пер. - А.Г.-С.)¹⁸. Объясняя корни такого верования, исследовательница ссылается на иудаизм, в котором число три обозначало трижды святого Бога, а также Ветхий и Новый завет с их образами, например, Авраамом, которому открылись три ангела, Нойем и его тремя сыновьями, тремя видами жертвенных животных, тремя волхвами, принесшими новорожденному Иисусу три дара - золото, ладан и мирру. Однако о святости числа *три* окончательно решило откровение Бога в трех лицах, нетъемлемо связывая его с истиной Пресвятой Троицы¹⁹. Интерес, на наш взгляд, представляет связь св.Николая со Св.Троицей, которую в XIX-XX вв. представляли в виде Спасителя, Богоматери и именно Николы. Надо также отметить ассоциацию Николая с одним из лиц Св.Троицы - с Христом. Б.Успенский объясняет такое совпадение традицией свадебного обряда, во время которого невесте давали икону Богоматери, а жениху - икону Христа Спасителя или Николы²⁰. Отсюда особое положение святого в народном почитании, а также существенная роль его личности в православном сознании. Христианское верование предполагает почитание святого не как всемогущего божества, а как образца честной добродетельной жизни, заступника, посредника между землей и *горним* миром. В случае же св.Николая, народная вера и почитание ставят его выше святых, причисляя его к Св.Троице и ассоциируя с Иисусом Христом, придавая ему тем самым божью силу.

Исключительное место св.Николая в народной православной традиции, открывает причину изображения Зайцевым главного героя рассказа *Улица св.Николая* - извозчика Миколки, похожим на Николая Угодника. Этот старичок, кроме сходства имен со своим святым патроном из Мирликии, похож на него также обликом и чертами (*ровный и покойный*), доказывающими справедливость суждения А. Любомудрова, что именно он является символом вечных духовных ценностей России. Невозможно ведь, чтобы погибли те ценности, носитель которых молится о помощи и заступничестве самого могущего святителя.

Оказывается, что св.Николай занимает исключительное место не только в зайцевском рассказе, но и в личной жизни писателя. Как вспоминает Зайцев, когда он заболел сыпным тифом и не оставалось надежд на его выздоровление, жена его, Вера положила ему на грудь образ именно св.Николая Чудотворца и молилась, а просьбы ее выслушал Господь²¹.

С христианской традицией в рассказе *Улица св. Николая* связана также тема земного бытия, его ужаса: братоубийственной войны, от которой остались два главных ее последствия - смерть и отчаяние живых. Женщин, плачущих над своими убитыми мужчинами, писатель уподобляет ветхозаветный Рахиль и Богородице: “Как Рахиль древняя, как Мария Матерь Господа, омывает мать слезами постаревшее

лицо, мать над сыновним трупом, над женихом невеста и сестра над братом” (с.168). Слезы Рахиль, которую Священное Писание считает пророческим предвестием матерей, оплакивающих сынов, истребленных Геродом, и слезы Марии, стоявшей под крестом, так же как оскорбления Иова, поддающегося воле Промысла с доверием в правильность Божьих планов не являются уже непонятными и бесцельными. Они оказываются источником внутренней силы. Такова и позиция Зайцева. Испытания не вызывают в нем горя, стремления к возмездию, а к покаянию, милосердию, состраданию. Писатель призывает: “не сдавайся, русский, гражданин Арбата. Много нагрешил ты, заплатил недешево. Но такова жизнь. (...) Будь спокоен, скромн, сдержан. Призывай любовь и кротость. (...) Слезы же прими. Плачь с плачущими. Замерзай с замерзшими и голодай с голодными” (с.169). Религиозно-философская позиция Зайцева, которая - по словам А.Любомудрова - не имела “ничего общего ни с толстовским *непротивлением злу*, ни с фаталистической покорностью *року*, ни с проповедью пассивного, равнодушного к добру и злу существования”²², отождествлялась с христианской идеей смирения, т.е. обуздания собственной гордыни и свободного подчинения своей жизни воле Промысла. Кротость и смирение представляются Зайцеву самыми насущными и необходимыми. В них - как ни парадоксально - “видится ему самая твердая опора в ураганах истории, в море жертв и страданий”²³.

Использование Зайцевым христианской символики, ее значений и идей, ставит рассказ писателя в непрерывной цепи христианской традиции, доказывая вневременность ценностей, определенных и переданных предыдущими поколениями верующих людей - от ветхозаветных израильтян, через учение Христа по современность.

PRZYPISY

- 1 Воропаева Е.: “Афон” Бориса Зайцева, W: “Литературная учеба” 1990, № 4, с. 32.
- 2 Цит. за: Воропаева Е., op. cit., s. 35.
- 3 Ibidem, s 33; Любомудров А.: *Книга Бориса Зайцева “Преподобный Сергей Радонежский”*, W: “Русская литература”, 1991, № 3, с. 112; он же: *Монастырские паломничества Бориса Зайцева*, W: “Русская литература”, 1995, № 1, с. 136; Полякова Р.: *Звезда Валаама*, W: “Литературная учеба”, 1991, № 1, с. 48-53; Прокопов Т.: *Послесловие* (к публ. повести Б.Зайцева *Преподобный Сергей Радонежский*), W: “Дон-Ростов н/Д”, 1990, № 3, с. 23-32.
- 4 М.Матеcka: *Impresjonistyczny świat wrażeń i uczuć we wczesnej prozie Iwana Bunina i Borysa Zajcewa*, W: “Slavia orientalis”, 1995, № 1, s. 57-70; М.Матеcka: *Uwagi o dywizjonistycznej technice malarskiej wczesnej twórczości Borysa Zajcewa*, W: “Slavia orientalis”, 1994, № 2, s. 201-214; J.Тymieniecka-Suchanek: *Koncepcja osobowości bohatera w opowieści Borysa Zajcewa “Błękitna gwiazda”*, W: “Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze”, 1992, № 16, s. 7-17.

- 5 Воропаева Е., *op. cit.*, s. 33.
- 6 Воропаева Е., *op. cit.*, s. 33.
- 7 Толмачев В.: *От жизни к житию: логика писательской судьбы Бориса Зайцева*, W: "Российский литературоведческий журнал", 1994. № 4, с. 76.
- 8 Любомудров А., *op. cit.*, s. 113.
- 9 Успенский Б.: *Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*, Москва 1982, с. 6.
- 10 На основании: Wł.Kopaliński: *Słownik symboli*, Warszawa 1990, s. 276.
- 11 На основании: *Мифы народов мира. Энциклопедия*, ред. С.Токарев, Москва 1988. т. II, с. 217.
- 12 На основании: *Słownik teologii biblijnej*, red. X.Leon-Dufour, tłum. bp. K.Romaniuk, Poznań 1990, s. 962.
- 13 На основании: Wł.Kopaliński, *op. cit.*, s. 392-393.
- 14 Исследователь М.Фасмер связывает происхождение русского существительного *колокол* с латинским *calare*, обозначающим *созывать*, *склицать*, см.: Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1986, т. II, с. 294.
- 15 На основании: D.Fostner OSB: *Świat symboliki chrześcijańskiej*. Przekł. i oprac. W.Zakrzewska, P.Pachciarek, R.Turzyński, Warszawa 1990, s. 397.
- 16 Wł. Kopaliński, *op. cit.*, s. 88.
- 17 Успенский Б., *op. cit.*, s. 13.
- 18 D.Fostner OSB, *op. cit.*, s. 43.
- 19 Подробное представление генезиса особенного почитания числа три встречаем уже у древнерусских авторов, например, у составителя житий святых Епифания: "(...) число *три* больше всех иных чисел почитается. Везде ведь число три является началом блага и поводом для троекратного возвещения, и я вот что скажу: трижды Господь к Самуилу-пророку возвал; тремя камнями из прящи Давид Голиафа поразил; трижды повелел лить воду Илья на поленья, сказав: *Сделайте это трижды*, - и три раза так сделали; трижды также Илья дунул на отрока и воскресил его; три дня и три ночи Иона-пророк внутри кита находился; три отрока в Вавилоне печь огненную погасили; трижды было повторено Исаие-пророку, видевшему серафимов своими глазами, когда он на небе слышал пение ангелов, восклицающих трижды святое имя: *Свят, свят, свят, господь Саваоф!* В возрасте трех лет введена была в церковь, в Святая Святых, пречистая дева Мария, в тридцать же лет Христос был крещен Иоанном в Иордане, трех учеников Христос поставил на Фарворе и преобразился перед ними, через три дня Христос из мертвых воскрес, трижды Христос после воскресения спросил: *Петр, любишь ты меня?* Что же я говорю о числе три и не вспомню о более величественном и страшном, о триедином божестве: в трех святынях, трех образах, трех ипостасях, в трех лицах едино божество пресвятой троицы, и отец, и сын, и святой дух...". См.: *Житие Преподобного и Богоносного отца нашего, игумена Сергия Чудотворца. Написано премудрейшим Епифанием*. Пер. М.Антоновой и Д.Буланина, W: *Памятники литературы древней Руси XIV- середина XV века*, ред. Л.Дмитриева и Д.Лихачева, Москва 1981, с.275.
- 20 Успенский Б., *op. cit.*, s.7.

- 21 Писатель вспоминает об этом в своей повести: *Другая Вера: повесть временных лет*, W: *Золотой узор. Роман. Повести*, Москва 1991, с. 333.
- 22 Любомудров А., op. cit., s. 113.
- 23 Ibidem, s. 113.

O SYMBOLICE CHRZEŚCIJAŃSKIEJ W OPOWIADANIU BORYSA ZAJCEWA *ULICA ŚWIĘTEGO MIKOŁAJA*

Streszczenie

Artykuł stanowi próbę odszukania symboliki chrześcijańskiej w opowiadaniu Borysa Zajcewa (1821-1972) *Ulica świętego Mikołaja*, zapowiadającym problematykę religijną w późniejszej twórczości pisarza-emigranta. Na pierwszy plan wysuwa się w utworze symboliczna postać tytułowego św. Mikołaja, z którą związane są wszystkie pozostałe symbole - jawne (woźnica, kotwica, statek, morze, mrok i światło, dzwon) oraz ukryte (w liczbie trzy: trzy oblicza świętego i jego związek z Trójcą świętą w rosyjskich wierzeniach ludowych). Bogactwo symboliki utworu jest odzwierciedleniem dziedzictwa tradycji judeochrześcijańskiej, przede wszystkim prawosławnej, a także wierzeń ludowych, których wartość autor opowiadania odkrył w okresie, gdy Rosja przeżywała ogólne załamanie i konieczne było znalezienie i wskazanie wartości nieprzemijających, stanowiących trwałe, historyczny fundament kultury i świadomości prawosławnej Rosji.